

Шевченко (Ершова) Л. Е. 1947г.р. в 1933г. ее семья приехала в Крым из Волгоградской обл.

Ершова М. Е. 1937г.р.

г. Саки

19. 08. 2004г.

Время – 94 минуты

Запись: Львов А., Варшавер Евг., Ермолаев М.

В. - Львов А.

О. – Шевченко Людмила Ереемеевна (Ершова)

О(1): - Наташа

В: ... и они в еврейском колхозе жили, да?

О: Да.

В: А в каком?

О: В Сталино.

В: А сейчас эта как называется?

О: Сейчас называется Лесновка.

В: А, в Лесновке, да?

О: Да, да.

В: А вот я слышал там был колхоз Горопашник еще, да?

О: Был.

В: Это вот [нрзбрчв] колхоз все, да?

О: Нет. Эта все адно и тоже, эта все время менялось.

В: А, то есть он назывался сначала... А что было сначала Сталина или ..?

О: Колхоз Сталина был, патом, патом Гарапашник, патом Лесновка.

Лесновка сейчас осталась.

В: А вы какава года рождения?

О: Я сорок седьмова.

В: Сорок седьмого, то есть...до войны...Предвоенную жизнь может быть родители рассказывали?

О: У меня сестра есть еще живая, в Лесновке живет, Ершова. Вот она больше бы вам рассказала конечно чем я.

В: Ну поговорим со всеми. Очень интересно, что вы скажете.

О: Ну што можна рассказать? Што родители жили в Валгаградской области. Бальная семья была. Двадцать два, двадцать четыре чела века в семье. Патом начали раскулачивать. Раскулачивали быстрее родители кагда сообразили, давай немножка разъединили детей. Постарше каторые больше детей в адну сторану, тем в другую сторану. Разделили лошадей, верблюдов, што там еще было. Тада уже проще была немножка. А вот Сапунковых там, получилась што они не успели это сделать и ...

В: А в каком месте жили вот на Волге?

О: Ой, вот эта я не скажу. Сестра знает навернае больше. **Она с тридцать девятого.** Может она больше расскажет. Астраханская область, Валгаградский район.

В: Ну может быть такие названия Дубовка там, вот не гаварили родители, Пришип, Заплавное?

О: Нет. Вот эта не скажу.

В: Царев, Царев?

О: А у меня есть

О(1): свидетельство о смерти

О: А у меня есть родительские документы

В: Ну, очень хорошо

О: Щас. Свидетельство о смерти гражданина Ершовой Екатерины Давыдовны. Дана, выдана.

Щас секундачку. А тут не написана.

О(1): Гражданство не написана.

В: Это когда? В восьмидесятом году, да?

О: Угу. Эта отца [нрзбрчв] . А эта радился [нрзбрчв] я думала шо это свидетельство.

О(1): А свидетельство о браке, там де написана де они радились. Какже, Кайховка или...

В: Ладно, потом мы еще спросим

О: У сестры, она больше общалась

В: Ну, а во время вайны радителм здесь были?

О: Здесь

В: А немцы не расстреливали?

О: Нас не тронули.

В: Ага.

О: От, а када поедите к сестре она покажет кашу караимскую фотографию, где общество караимскае. Там вместе с, как ево называют правильна, ну вообще с батюшкой или со старшим этим, который помог спасти их от евреев. Ну с евреями вместе нас не похоронили, родители. Паэтаму всех собрали, всех, а патом он приехал, погаварил с ними и они отпустили. И они очень довольно таки дружедубна к нам отнасились. Вот в нашем стаяли, на этом самам, ну в доме. Немцы, но они не трогали. У меня сестра вот инвалид, они гаварят и куклы мне делали и всякие там причиндалики давали игратья. А атец был в партизанах, через линию от она бегала ночью. Тут с ними ля, ля, фа, фа, набрала всего и пабежала к партизанам, понесла еду.

В: Да. А вот говорили родители, что вот субботники караимы тоже, да?

О: Да.

В: Вам говорили, что караимы, да?

О: Да. Што мы празнуем субботу, но вот были такие маладые, шустрые шо мы два раза празновали субботу и воскресенье. А радители придерживались постаянно и празникав и всех.

В: А какие праздники помните, как родители празновали?

О: Ой, у нас Паска свая. Мы пекли мацу все время. Там, тоже пост какой – та был неделю до того, патом во время Паски там ниче не делали. Э э Шота.

В: А где пекли мацу?

О: Сами. У меня мама сама пекла.

В: В печках, да?

О: Да. У нас русская печка была. И мама и тетки пекли сами.

В: А вместе собирались как-то или...

О: Обязательна

В: Все вместе, да?

О: У нас семья, понимаете, папа был бригадирам в совхозе. Щитался вот эта как председатель калхоза. И вот у них была такая инициатива штоли, што любой празник, а если таки, вот по субботам они часто собирались. Они васнавам собирались у нас, у матери с атцом. У нас еще када бабушка жива была, а патом, када бабушки не стало, то к атцу больше прихадили [нрзбрчв] он такой добрый был. Где-та што – та бедному он што – то падаст, каторый как Вася Шишляникав у нас был. Он взял жену себе с этава, с детскава дома, ну и плоха ж после вайны, тяжело было. И вот он постаянна так матери: «А ну Катя, быстренька супчика сваргань, отнеси детям». Вот она панесла, там. Вообще.

О(1): Помогали друг другу.

О: Помогали очень сильна друг другу. Очень сильна, а вот даже када уже атца уже не стало, лет через десять приезжали, от начали на пенсию идти и нада была подписать дакументы. Все время гаварили : «Вот нада паехать к Емеличу, к Емеличу(?). Он помнит, он знает и он» всегда гаварили, очень хароший челаовек. Толька харошие отзывы были.

В: А вот бригада была, она из субботников состояла, да? Или это еврейская была бригада, как считалось?

О: Нет. Эта общество караимов.

В: Ага.

О: Общество караимов.

В: Ну это же в колхозе было?

О: Да, в калхозе, но панимаете так аткрыта што бы аткрыта вот собирались, такова не было. Немножка стеснялись, немножка. Вот даже у нас в семье сестра русская в паспарте написана, я караимка и брат у меня был караим.

В: А у вас написана караим в паспарте, да?

О: Да.

В: Очень интересно, а можно будет посмотреть, потом?

О: Канешна.

В: Патом.

О: Щас в новам паспарте нет, а в свидетельстве о рождении у меня написана – караимка. И у брата была написана – караим. А это мы на Кирилову разазлились. Мы тагда пашли палучать паспорт, я первая пашла брат на два года маложе меня, ана гаварит: «От, што вы здесь придумали, значит кагда немцы были вы хатели, вернее до немцев, вы были евреями. Как немцы пришли вы евреями уже не стали, стали караимами, а теперь вы хатите быть русскими. Не палучится.». Я с такими слезами пришла дамой, рассказываю. А я как раз бросила институт, а брат учился в институте и он прачитал все што можна была прочитат. Где, какие архивы, где што и кагда гаварит он палучал паспорт сказал, гаварит: «А я хачу быть караимам». И она мне не дала, не написала – русская, написала кара...»

А он гаварит, а мне нада. Ана гаварит: «Што эта за нацианальнасть?». Он гаварит: «А што вы сестре гаварили? Вы сестре гаварили, а мне пишете – караим». И вот так и написали – караим.

В: и там целая бригада была караимская, да?

О: Да, да.

В: Это было не официально, просто все знали?

О: Почему не афициальна? Ну, как не афициальна. Вот этат старший у них был, он часта собирались если где та што – та. Ну в эта общество хадили они, а патом уже

В: А какое общество, што вы имеете в виду, там млмлись в смысле, да, или што?

О: Ну я не знаю што они там делали, мы чесна сказать, были немножка далекаваты от них

В: А што за общество, это как бы тайно собирались?

О: Вот эта караимскае общество. Они знали што есть такой вот челавек к катораму нада обратится. Или вот у нево узнавали када какие празники, или там што делать нада

В: Это ваш папа был или..?

О: Не

В: Это другой?

О: Нет. Эта другой был таварищ. Папа у меня проста как бригадир был, проста очень хороший челавек.

В: Так караимское общество, где, не понимаю, в колхозе?

О: У нас в Лесновке было эта общество

В: В Лесновке

О: Да. Я не знаю аткуда этат батюшка приезжал, но у нас в Лесновке вот она вам фатаграфю пакажет, как раз вот наши Сапунковы, Ершевы и часть Пузаковых.

В(1): А Шишляников?

О: И Шишляникавы, там две семьи Шишляникавых, Пузакова

В(1): А Бадашкины кто это?

О: Нет. Бадашкин эта уже патом. Бадашкина вот как раз дядя Миша. А дядя Миша аказывается был еврей.

О(1): Пузаков?

О: Да.

В: Пузаков еврей был, да?

О: Тетя Маша уехала в Израиль, открыта

О(1): А, вот эта женщина, которая в Израиль уехала, его жена.

В: А Чернышевы, тут были такие вот?

О: Нет.

В: Нет?

О: Фамилия в гораде была – Чернышевы

О(1): В городе есть [нрзбрчв]

В: В Лесновке

О(1): В Лесновке не было

О: Не была, нет. Эта я точна знаю што не была такой фамилии – Чернышевых. В гораде была фамилия.

В: А в колхозе это просто одна бригада такая была, да? А другие бригады там.

О: Нет, нет. Проста других бригад не была. Там еще была у нас, в Лесновке сколько, адна, две семьи евреев. Эта Казулины.

О(1): Софья Наумавна

О: Софья Наумовна. Вот они жили через дарогу от нас, но мы все время дружна жили.

О(1): Она замужем была за этим...

О: Вот я мужа ни разу, ни ни помню даже

О(1): Девачки сходят севодня [нрзбрчв]

В: А вот о праздниках еще вот может быть вы вспомните вот эти. Всей бригадай сабирались, да, на праздники или в семьях все-таки праздновали?

О: Нет. Больше сабирались радители по выхадным от или у нас или нам разрешали от как детям маленьким, нам разрешали в клуб ити што угодно делать, но только не ругаться, не матюкаться там.

В: На празники не разрешали, да, или вообще?

О: Вааобще не разрешалась. Ну у нас, скажи **Наташа**, у нас все очень хорошие дети. Ну нас нету...

О(1): Да. У нас ни хто не ругается

О: У нас нет ни пьяниц, ни алкаголикав таких вот, ни развратникав. Можна сказать, што даже девяноста девять працентав вот из всех наших таких нету.

О(1): Вот я, дапустим, помню бабушка Дора(?) кагда была жива, она всегда, ну малитвы я никада не слышала, натаму шта ну ва-первых мы маладые были пианерами, но я помню всегда. Тетя **Люда (Люба)** может быть у сваих радителей помнит, они перед обедом, перед трапезай, всегда праизнасили там: «Господи, спасибо што есть пища», што они гаварили?

«Спасибо што ты дал нам этот день и спасибо за то што у меня есть», ну, «што у меня есть на столе». Вот эта я слышала. Бабушка всегда.

В: Вот так говорили, да?

О(1): Да.

О: Эта бабушка гаварила

О(1): И всегда я гаварила: «Бабушка зачем ты [нрзбрчв] в Бога? Ево нет». Она гаварит: «Тише. Он всегда самой. Такие вещи в маем доме не праизнасить». Эта я помню.

В: Ну, а какие праздники, вот праздновали? Вот Паска была, да, и там, просто вот кто-то из караимского общества говорил, когда?

О: Да, да. Но панимаете из-за таво што немножка притесняли. Не немножка, а давольна таки прилична притесняли, мы стеснялись, мы не хатели эта показывать и все эта в тайне вот какие-та там праздники. Знаю што мать всегда вот к Паске напечет эта, так атец придет, он мяса. Она: «Так, хватит, никакова мяса, все». Но он вроде павыступает, но на том и сядет. Он сильна не эта, ну выпить инагда, выпить. Застолье у нас, как гаварят щас, стол у нас пустой, но у нас в Лесновке ни кагда пустой не был. У нас специальна еще на падвале большой такой сделали стол. И у нас все время, ну все время де какое горе, де какая радость. Ну мы и щас сабираемся. Сечас радителей нет, так Сапунковы все время меня заставляють пайти где-та узнать. Кавота сабрать. Как-та што-та придумать. Каму-та чем-та памочь. Теперь вместа, они уже патарше, то ноги болят, меня заставляють.

В: Сейчас вы празднуете праздники какие-нибудь?

О: Можна сказать што нет. Толька единственнае што придерживаемся немножка – Паски.

В: А как вы знаете когда Паска?

О: А от тот сказал, этат: «Ты ж сматри, завтра у нас бальной праздник, а ты ж сматри завтра ничево не делай, вот такай праздник». Я гаварю: «Та ладна хватит тебе с этими праздниками». Я шо русские не празнуют што...наши забывают проста. Проста с этими праблемами некагда.

В: А вот осенью были праздники, не помните?

О: Ну у нас, памоему три или четыре праздника таких.

В: Да

О: Три па-моему.

В: Ну

О: В аснавном на осень. Но есть, но я чесна сказать, я уже...

В: Не помните, ага

О: Вот у нас пахароны, пахароны, похараны и патом одна за одной у нас каждый год на год по два ... вообще все плоха стала. Ну единственнае што мы всегда очеть дружные, если што-то у кавота случилась, мы все сабрались. Даже вот маладеж и то ганяем што б они немножка придерживались и заставляем.

Вот видите. Я еще помню што раньше радители старались женить детей поближе к сваим

В: На своих, да?

О: Да. Эта точна. Эта девяноста процентав. А я такая была как мать навернае сильнай, вискачка бальшая. Паэтаму я уже, ну проста у нас не была тада уже таких

В: Женихов не было?

О: Да. Че тут скрывать.

В: А родители не возражали?

О: Мама вазражала кнешна, а папы уже не было. Ну я так резка вышла, в течение двух недель вышла замуж.

В: А муж как относился к тому што другой веры?

О: А он не спрашивал ни кагда меня об этом. Я, в семье я ваяк.

В: Понятно.

О: Как я поведу....так у меня и в семье.

В: А вот посты какие – то помните, когда были посты?

О: А вот я говорю што вот эти, да посты мать с атцом всегда саблюдали. Атец еще не очень, патаму што атец у нас такой кампанейский, любит кампанию. Што бы бутылачка была, пасидеть. А вот мама все время, бабушка все время придерживались и нас ганяли маладеж, а патом уже.

В: А как пастились? Ни ели, ни пили савсем или, или что-то?

О: Нет. Пастились мы по нескалька ден, а там старалась нам вот на оващи или может так, седня вообще лучше не еште. Но нас тяжело заставить што бы не есть. Мы там схватили, там съватили. Раньше придерживались очень сильна, а патом реже, реже.

Наташенька, там кофе и чай, стол аткрой вот тот куханный.

В: А вот Судный день такой, помните?

О: Был, да.

В: А как вы празнавали, не помните? Ну родители его как-то отмечали?

О: Да. Атмечали. Ну я же гаварю была атарви галава. Мы делали с каждого праздника себе выгаду.

В: А вот кучки?

О: А эта все время гаварят, чуть ветер задует: «А эта еврейские кучки, еврейские кучки».

В: А когда это?

О: Эта в аснавном по весне.

В: По весне, да?

О: Да.

В: А почему так называется, кучки, не говорили?

О: нет не гаварили. Мы и не вникали, чесна сказать.

В: А вот был такой праздник что б в шалашах жили, вот или крышу снимали, ветками накрывали?

О: А эта мы делали. А пачему делали я не знаю. Вот чесна сказать я ни вспомню, но помню што бабушка мне гаварила: «Вот, вот-эта сделайте вот так. Вот сматрите как здесь касива». И вот мы по молодости еще вот до пятнадцати, наверна, лет мы еще делали. Вот эта, именна с деревьев, с ветак такие типа шалашики. Патом што-то вакаруг облаживали. По-моему кастер даже делали. Но эта вот кашда вот наши сабираются. Тут с горада прихадиле еще две или три семьи у нас жила и туда наверна...и гарадские все время прихадиле к нам в Лесновку. Пастаянна прихадиле.

Наташа ложечки нашла?

В: Это дети делали шалаши?

О: А?

В: Дети шалаши делали?

О: Да, а бабушки нам гаварили вот, а мы делали

В(1): А где, помните, место было?

О: Да, да. До пятнадцати лет я еще такое было, а уже патом старше немножка, уже как-та они начали стесняться, а што к чему я

В: А што в шалашах, там как-то жили, как-то сидели?

О: Нет. Вот мы делали шалаши, патом нам давали тряпки такие. Даже адин раз бабушка Маша нам дала типа матраса, мы расстелили ево. От по-моему даже или какое-та они печеие какое-та пекли, то ли вообще старались ничево не давать.

В: А взрослые туда не залезали, в шалаш? Взрослые в эти шалаши...

О: Нет. Они в аснавном там сидели, в доме. Но шалашик у нас тут саял, у нас лична, во дваре стаял.

В: А детям гаварили, что в шалаше

О: А, да, гаварили: «Можете играть вот там, зайдите, вот там и поседите, а што

В: И украшали вот как-то шалаши?

О: Не, ну как с ветачек какие-та там такие вот нитачки вешали украшения. Ну патаму-што сильна...

В: Не вешали там яблоки, там плоды какие-то?

О: там была все. У нас еда была, а вот што-та апределенное такое, ну мы принимали эта все типа таво, што мы им немешали. Они там сидели разгаваривали.

В: А в какое время года это было, не помните?

О: Ну навернае па осени ближе

В: По осени

О: После лета, но не весной.

В: А вот не называли шалаши кучками или кущи?

О: Нет. Разговора не была, может быть радители што-та и знали, но нам они не старались внушать эта.

В: А вот Хануки, знаете такой праздник?

О: Не.

В: Уже ближе к зиме. Свечки там зажигают, не знаете?

О: Нет, нет

В: А Пурим или Пирим?

О: Нет, нет, нет. Я лична не знаю.

В: А вот какие дни было принято на кладбище ходить? Были такие дни, когда можно пойти на кладбище?

О: Вообще в нашем обществе не принято хадить на кладбеще. А вот из-за таво што русские ходят на паминальный день, мы тоже старались первае время. Эта мы вот последние года три навернае стали хадить с сабой брать еду туда. Мы раньше хадили без еды. Мы пришли, памянули, палажили цветочки, камута в последнее время стали канфетки, печенье лажить, а так не кушали. А вот в эти последние, особенно вот кагда брат умер, у нас невестка русская, мы проста не хатим ни каких лишних конфликтав. Вот ей нада бутылку, кто-та сказал што ему малако нада паставить, так мы каждый раз малако насим и на день рождения и так, на поминаль...

В: На могилу молоко, да? А почему не говорят?

О: Ну тагда хто-та там, када он умер, приятели приезжали, толи с Канады, толи аткуда-та. И адин из них типа яснавидящева, што ли гаварит: «А вот он просит малака». И вот после таво она все время гаварит што ему надо паставить малачка, он любит малачко, а он вообще любил. Но у нево, он мастер спорта международнава класса [нрзбрчв] Советскава Саюза. Он на Олимпийских играх был и када он ушел со спорта резка, ну там тоже были сваи причины, он сказал так: «Я хачу отдахнуть, я больше не хачу вкалывать». Он вкалывает, а хто-та получает деньги, а када прибалел немного, ништо капейки не дал. Ну он решил резна брость, завязать вообще с бальшим спортам. Остаться проста как тренером. А тут резка диабет, эта Юра едит на обед. И у нево аткрылся диабет сильный. И начал с каждым годам расти, расти, расти, а тут пашел эат перестройки. В общем мы не смагли ево последний год уберец.

В: А вот вы гаварите, что ваши на кладбище стараются не ходить, а это почему, не объясняют, это не чистое место?

О: Нам сказали, в начале не объясняли, а патом сказали: «Так нечева там делать вам».

В: Детям, да?

О: Да. А патом уже туда позже кагда уже немножка начали читать, што там какие-та не силы, а ну как объяснить, негативная вот эта, лишняя энергия находится. И лишний раз вообще. Ну эта муж у меня многа читал, он больше панимает

В: Ну сами-то ходили, взрослые на кладбище?

О: У?

В: Ну сами то ходили на кладбище взрослые?

О: Нет.

В: Тоже не ходили, тоже старались не ходить, да?

О: Нет. Мы только ходили сматрели магилку. Вот у нас есть караимская, караимская еще кладбище в Лесновке. Из всех магилок в аснавном больше ухожены вот наши Ершовы и [нрзбрчв]

В: А где в Лесновке кладбище?

О: За каровником там. И от благадаря брату, каторый от пагиб. Ну он не пагиб, а умер. Он тагда был связан немножка, как гаварится с международным... по международнай линии и када хатели ево закрыть и он гаварит: «Если только вы троните это кладбище то», гаварит, «Я», гаварит, «Часта езжу на соревнования», ездит гаварит, «Я в Америку напишу письмо, каму знает, каму и што и папробуйте только троньте».

В(1): Скажите это какой год, история о которой рассказали?

О: Про кладбище?

В(1): Да

О: А давайте пощитаем. Щас я скажу, эта лет каверна пятнадцать назад, эта скоко? Щас у нас четвертый.

О(1): Девяностый

О: В девяностых гадах наверно где-та была.

В(1): До распада Советского Союза?

О: вот начало распадаться. Девяноста первый значит где-та год, вот в эта время. Вот, как раз перед распадом. Они хатели закрыть, а мы патом хатели перенести магилу атца сюда. Но эта была очень, очень тяжело и мы решили ево аставить. Вася гаварит: «Пусть папробуют только. Ни в Америку» гаварит «В Израиль напишу»

В: А еврейские могилы есть на этом кладбище?

О: Есть, но вот кагда были эти кучки, сильна занесло и там всево только Софьи Наумавны э...толи радители, толи бабушка, бабушка с дедушкой. По-моему ее асталась магилка видна, видна более менее магилка. А то занесло все там. Та эта щас эти татары они все и даже камень поваравали у нас на заборы.

В: А какие памятники там ставили?

О: Абыкнавенные.

В: Обыкновенные

О: Абыкнавенные. Мы сами делали, лили их с этава

В: Металлические?

О: Нет

В: Каменные?

О: Да, каменные. Вот такая деревяшка или не деревяшка, или желеска вот, старались вогнутай делать немношка. Вот и типа каркаса делали и заливали туда щебенку с этим, а патом перетирали и вот такие вот небальшие

В: А, бетонные, да?

О: Да. Бетонные ставили, всем ставили такие. Атец в аснавном занимался этими делами.

В(1): [нрзбрчв] написано

О: Ну кто здесь похоронены или

В(1): [нрзбрчв]

О: Да, хороший.

В: А старых памятников там нет, все одинаковые?

О: Нет. Эта вот только уже послевоенные

В: Послевоенные

О: Да

В: А до войны было какое-то еще вот караимское, еврейское кладбище, не знаете?

О: Нет. Евреи, караимы у нас в Лесновке на одном кладбище харанились

В: И все на этом кладбище?

О: Да

В: Или другое?

О: Нет. Только на этом, только на этом. Больше не была кладбища

В: Довоенных могил там нету [нрзбрчв]?

О: Нет. Довоенные ничего там нету. Довоенных во время войны вот остался полностью там еще есть вот где евреев закапывали

В: А вот отличаются похороны, вот как хоронят караимы, там русские?

О: У нас похороны были без музыки, никакой музыки. Ни какова поха. Ни каких этих самых. Вот еще раньше, раньше, раньше вот этак вот батюшка прихадил по-моему.

В: Это из Евпатории?

О: Из Евпатории наверна он приехал. Я знаю што он откуда –та приехал. А патом ближе к таким вот перестройкам сюда...

В: Ну, а что-нибудь читали там или пели, нет, ничего?

О: Нет петь не пели, петь не пели. Может был без нас. Вот бабушку, дедушку харанили. А в общето што-та читали. Бабушку харанили точно знаю што читали. А вот остальных.

В: А кто читал вот, когда бабушку хоронили? Мужчина, женщина?

О: Подождите, сейчас вспомню. Бабушку по-моему вот этак вот каторый с Евпатории каторый приехал. По-моему он читал. А вот уже после бабушки других харанили уже ни каво не приглашали.

В: А покойников как одевают, вообще в чем хоронят?

О: Абыкнавенна. Все чистенько штоб было, новенькое

В: А в гробу?

О: Да, в грабу.

В: А дырок там не делают, в гробе?

О: Вот эта нет, нет, нет.

В: Нет?

О(2): Бабушка так не заказывала

О(1): Нет

O(2): Бабушка палтара года назад умерла, она вообще та ничево такава не прасила.

O(1): Нет

O(2): Прасила без музыки. Без всяких там... пышнава такава стала

V: А дають што-нибудь, кладут што-нибудь в гроб там вот?

O(2): Па-моему ничево не кладут

O: У?

V: Кладут што-нибудь там, ну какую-нибудь бумажку, может молитву какую-нибудь, в гроб, нет?

O: Нет, у нас не было па-моему ничево.

V: А как памятник ставят, в головах или ногах?

O: Ой, памятник ставят так как и у русских, не так как у татар

V: А как?

O: У татар в ноги ставят, а... нет падажди. У татар в голове ставят

O(1): В голове, а у нас в ноги.

O: А у нас в ноги

V: В ноги, да? А не говорят почему так, не объясняют?

O: Ни хто ничево не объясняет

O(2): Проста ни хто не задавался

O: Да. И ни пытались даже панять. Ну другой раз шо-нибудь спросишь, грит: «Оно тебе нада, оно небе нада, иди гуляй пака разрешаю». Ну и рады стараться.

V: А вот говорили што если на клодбище пошли то мыться нужно?

O: Абязательна.

V: А как, в бане или руки мыть?

O: Нет, нет. Хатябы просто памытса, вот еще када бабушка гаварила:

«Што», гаварит, «пришла, пастарайтесь в этот день полностью обмыться». Эта я помню. Ну, а патом уже хатябы вот руки так лицо слегка. Но руки абезательно нада памыть ну патому шо там и стали многа делать гадасти и землю принамить и подсыпать. Вон у меня у сестры пастаянна, как не придет, а у нее весна под дверями земля.

V: А вот книга какие-то были у родителей?

O: А вот спросите у сестры, у нее па-моему даже есть этот самый, малитвенник. У нее па-моему есть он. Еще старый, старый, старый.

V: А што-нибудь рассказывали, вот из Библии. Может быть читали што-то?

O: Читали, но нам же эта врена было. Эта ж время нада была послушать мы тикали канешна от этава. Но я што хачу сказать вот по субботам, кагда они сабирались, они пастаянна што-та читали. Што-та читали, но они старались нас сильна не заставлять и не внушать. Проста из-за таво што, вы ж сматрите вот эта наши родственники, вот эта наши родственники. Вот эта вот.

O:(1) [нрзбрчв] поддерживать отношения. Да, да в любом случае плоха там, харашо. Кто бы они там.

Саша прише, зять.

Плоха там хараше. Какой бы он ни был, все равно он наш родственник. Вот эта вот у нас и сейчас асталась

О: Родственники даже некатарые в Израиль уехали. О себе вести пастаянна присылают, какие-та падарки. Ну не всем ну...

О(2): Не всем, да

В: А вот когда собирались по субботам, пели или просто читали?

О: Ани рассказывали што-та. Вот када еще до двадцати еще лет там, но петь, ни разу не слышала.

О(2): не слышала

О: Петь они

В: не пели, да?

О: Нет. А вот проста рассказывали што-та, читали, што-та объясняли

В: А не помните ни чего, да?

О: Угу

В: О Библии что-нибудь говорили?

О: Это у сестры спросите. Она немножка больше знает

В: А вам давали почитать Библию?

О: Заставляли, заставляли.

В: А говорили при этом, что там руки надо сначала помыть, например?

О: Нет. Эта я не помню. За эта не магу сказать, но заставляли: «Вот ты хатябы это прачти». Для меня как прачитать, как равнасьна што пайти спать лечь, две сторчки и я уже и посреди [нрзбрчв]. Я ее не магу проста асилить. Или я ее не панимаю, или у меня щас сазнание, или галава не тем забита чем нада, но проста эта до меня не дахадила.

А сахар принесла? Маладец.

В: А вам не говорили зачем Библию читать? Не объясняли, вот читай Библию, потому что там что-то такое важное написано.

О: Нет. Вот чесно сказать нас никто не заставлял. Я не знаю может, как в других семьях, но нас лично нас не заставляли. Мать старалась, как проста заставить нас, што бы сами эта захатели. Ну сестра еще там магла панять. Она вроде как ивалид, ей нада была может быть чевота, где-та. Но ее тоже у нас, тоже не насильвали. Но а я была...

О(2): Сарви галава...

В: А вот такой молитвы – Живый Помощи или Живущий под покровом иногда называют.

О: Мама читала все время што-та. Даже мама што-та гаварила, што-та читала. Эта самае, ну ана старалась делать што б не обременять нас. Но мама читала все время.

В(1): Извините, а харанили лежа, да?

О: Да

В(1): [нрзбрчв]

О: Нет.

В: А как вы думаете, почему она старалась не обременять, эта боялись по тому что вот?

О: Панимаете, атец всетаки был вроде как чуть ли не партийный. Он не был партийным, но в тоже время был среди людей и вот он то в Маскву ездил на эти, вставки, то так сабирались. И што б лишний раз не тыкали пальцем што ты караим. Шо вот типа таво шо нас раньше как считали, рас караим значит и еврей, а если ты еврей значит не панятна што эта. И паэтаму немножка...

В: Почему не понятно што?

О: А как сказать?

О(1): Не любили.

О: Ну еврей есть еврей. «Я еврей, значить ты извини, а че ты самной рядом сидишь тада?» вот типа такова была. Патаму шта еврей немножка выскаватые были. Но не все канешна, нет, но в оснавном они не рабатыги. А караимы у нас вот, все наши они привыкли вот им бы огорода пабольше, цапку, эта самае и вот все время в огороде. Дети, внуки, куда-та привезти. Эта шоб наживались у нас, у нас ни у каво из родственникав нету, наживальщикав. А вот што бы обеспечить сваю семью, свайми личными хазяйством, эта да.

В: А еврей багата жили?

О: У нас вот две семьи, они самые бедные были. На абарот атец с матерью им все время памагали. Вот если будите разгаваривать с Софьей Наумавнай, если ана вам, так

О(1): Расскажет

О: Она может рассказать што...

В: Работящие были вот которые...

О: Ну я не магу сказать што они лентяи, но... Софья Наумавна была учительница. Мать где-та в сельсовете штоли работала [нрзбрчв] а Рахеля как Рахеля, уехала в Израиль.

О(1): Она у них [нрзбрчв]

О: В Израиль уехала

В: А после войны уже большинство русских в Лесновке жило, да, наверное?

О: А, ой, я не знаю в каком гаду. В каком же гаду? Этих самых, хахлов начали завазить? Перенаселение.

О(1): [нрзбрчв] эта был где-та сорок васьмой год, сорок девятый.

О: Поже, поже

О(1): Где-та ближе к пятидесятому году. Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят.

О: Ну я хадила в школу. Нам нада была дайти до этава самава первый дом вот где двухэтажка, а эти дама начали строится уже позже. Да, но я в школу хадила, эта мне была уже лет пятнадцать наверна. Ани толька начали строится, ну пусть десять эта сор... пият си... в шистидесятых гадах навернае. Да, да, да. В шестидесятых гадах начали их потихоньку перевазить сюда. Агитировать проста работать.

В: А до этого здесь в Лесновке в основном караимы жили, да?

О: В основном караимы жили, ну немножко русских было и евреев. Ну я гаварю шо две или ... Раз, подаждите щасскажу. Председатель калхоза был, теперь сельский свет – две, Софья Наумавна – три, четыре семьи по-моему были евреи. Но они все были при властях. Вот тока Козулины немножка там...

В: А караимов много было, семей? Вообще большая была Лесновка до того как начали переселяться?

О: Ну я бы не сказала што бальшая, но и не маленькая была. Ну семей, семей две, четыре, шесть, восемь, девять, десять, адинадцать, двенадцать, тринадцать. Навернае семей пятнадцать эта што я помню.

В: То есть четыре семьи евреев, пятнадцать караимов и несколько русских еще.

О: Русские, а патом уже начали привазить этих самых...

В: А вот как относились когда вот русских стали привозить, то...?

О: Не русских, а этих

О(1): Украинцев

О: Украинцев

В: Украинцев

О: Ну как, я не магу сказать. Атличия некакова не была. Проста наши старались немножка кучкаваться. Кучкаваться как-та што б ближе...

В: А, там какие на каких-то улицах?

О: А у нас там адна улица была. Адна улица – Шевченка, а патом уже начали достраиваться уже как начали приежать

О(1): переселенцы

О: Переселенцы, ани в лева стали селится

В(1): А улица Шевченко называлась она сразу, называлась Шевченко?

О: Нет. Она не сразу называлась

В(1): А когда [нрзбрчв]?

О: Я и не скажу даже. Чеснае слово не помню

О(1): В сельском совете можна узнать

О: Она раньше одна улица, по-моему даже вовсе как не называлась

О(1): Не может быть, пачтовый адрес был

О: Не помню чесное слово

В: Ну, а вот не рассказывали родители вот вы когда маленькая, когда маленькая были, вы же спрашивали неверное, что это за вера такая, да, вот почему мы такие, вот?

О: Спрашивали, спрашивали. Нам рассказывали, а што они нам рассказывали, што нас приравнивают к евреям, но мы не евреи. Но мы и не караимы, не крымчаки, а караимы. Но караимы как-та тоже подразделяются. Оказывається караимы есть такая нацианальнась, но очень жестокая. Но мы не такие вроде. Там немножка другие правила общения у них, быт немнога по другому. Адним словам они были очень жестокие, то если настоящие караимы.

В: Настоящие караимы, да?

О: Да

В(2): В чем это проявлялось?

О: А?

В: В чем это проявлялось?

О: Ну так нам гаварили. В чем проявлялась? Они очень были жестокие, у них не была вот такой вот дружбы. У них власнасть вот такая: «А х ты так, значит пабить, там убить», чуть ли не убить. Вот такое вот. Эта было такое, я слышала. А у нас более мягка. Как гаварят: «Куда ветер падул, туда и мы»
Чесно сказать што я не придерживалась но только в основном стараюсь по субботам. Ну как раньше в субботу старались ничево не делать. Вот суббота: «Брось все, брось все и отдыхай». Там прибрались в пятницу. Помылись, шо б была чистенька всегда эта знаю.

В: А вот книги как родители хранили, где они лежали? Вот религиозные книги были какие-нибудь?

О: Многа не была книг. У бабушки была Библия и што-та еще была. У нас были раньше такие сундучки. И у бабушки была и к маме патом перешел большой сундук. Вот в сундуке у нее лежала эта Библия. И у мамы че та была. Ана отделна лежала, они как-та инагда ее дастают ну наверна ж по субботам. Они ее и даставали патаму што то адна тетка, то втарая. Вот они посят чета чай папьют, побеседуют.шо они читают, шо они рассказывают? Мы слиняли.

В: А были в домах мезузы? Вот слышали такое – мезузы, мезуза? Вот на дверях, на дверях такие планочки.

О: Палочки?

В: Ну планочки такие прибитые и там молитвы в них лежит. Не было такова, да?

О: А вы знаете што-та была, но только там не буквы были, а што-та нацарапано было. Эта была еще бабушки, маей бабушки. Кагда она жила во времянке. Што-та была нацарапано.

В: На двери это, на касике было, да?

О: Да. Имена на коробке. Вот эта там же ш широкие раньше коробки были. Вот на коробке была што-та начерчена. Я не знаю што, чесное члова. Но помню харашо, што там каке-та...

А че я обратила внимание, у нас значит у бабушки была тож два сына, дочка.

Адин сын ищ... Две дочки две дочки и два сына, то шо я помню. И вот адин сын жил здесь, Райка Ершова што умерла в Евпатории [нрзбрчв]

О(1): Да, да.

О: Вот то щиталась же харошая патаму шо она в гораде живет, а я рабатыга далжна все время убирать. Вот как та приедет, вазмет палачку, вынесет перину и палачкой тук-тук, тук-тук.ю пыль выбивает. Ну я до этава, прихажу гаварю: «Рая че ты выбиваешь?» я гаварю, «все потрусила, вроде памыла?». Я как рас мыла дверь. Я все убрала тока мне асталась дверь. Я от эта пашла за ведром с тряпку взять шоб дверь протереть. Бабушка ругала нас всегда шоб была чистенька. Она уже балела. А ана пришла эту пирину вынесла и стаит

показывает вид шо она эта самое. Вот эта ж я помню харашо шо я наткнулась на вот этот вот касяк. И там, а че там была написана я даже не знаю. Я спросила: «Бабушка Маша, а шо это такое?. Ана гаварит: «Ано тебе нада?». Ну не нада, так не нада.

В: А вот одевались как-нибудь караимы иначе чем украинцы?

О: Нет, нет

В: Одевались также?

О: Различия в адежде я не магу сказать

В: А мужчины носили головной убор или не обязательно было?

О: Вы знаете, вот еще раньше насилии што-та, старались што б галава была прикрыта

В: Только мужчины или у женщин тоже?

О(1): У женщин платки всегда были.

О: Женщины у нас все время хадили в касыночках, все время в касыначках или так или вот так. Но обязательно касыначка была. А вот старики, вот ранше када сабирались, вот какие-та праздники были, я не знаю у них были такие на голову, как от у евреев такие, по-моему тюбетечки.

В: А, специальные такие, да?

О: Па моему што-та была.

В: А вот они заворачивались, когда молились, вот в белое такое вот?

О: Нет. Я уже этава не застала, я уже этава не видела.

В: А рассказывали, да?

О: У?

В: Рассказывали? Вы слышали што-то?

О: Эта брат бы вам рассказал больше я... Он больше читал, патом выпрашивал все у матери, а я, я не занималась.

В: А обрезание мальчикам делали?

О: Делали

В: А как делали? Куда возили?

О: я не буду гаварить. Можна пообщаться с Раей Вишняковой, она скажет. У нас Мише Степанкову делали обрезание, а Васе не успели сделать. Он уже был не эта самое... А Мише делали обрезание. Мальчикам до сорок шестова года всем делали обрезание.

В: До сорок шестого всем делали, а потом перестали, да?

О: Патом я проста не знаю. Знаю што Вася у нас сорок девятава года и [нрзбрчв] мать паездила, паездила, ну не знаю толи она не нашла кавота, толи сачли...

Пакричи там Саша, позави дедушку. Иди ты

В: А вот вы гаварили там у вашей сестры есть документ какой-та из кара... Евпатории

О: Эта у сестры есть фатаграфия караимскава общества

В: А

О: Так написано прямо – караимское, по-моему, общество.

В: В Лесновке?

О: В Лесновке у сестры

В: Да. Это нодо.

О: Есть, есть, эта фатаграфия и я эта самая, я званила. Вот када нашла эти бумажки без очков не видела што эта такое. Гаварю: «А где свидетельство матери с отцом или брачное свидетельство?». А она гаварит, што у меня все. Ну я гаварю: «Ты вытащи», гаварю, «и вазми ту фатаграфию каторая асталась у нас от караимскава общества». Там ей как раз по-моему десять лет. Эта, да. Эта какой год тагда? Если она тридцать седьмова, тридцать девятава, а ей уже десять

О(1): Сорок седьмой, сорок девятый.

О: Да. Сорок седьмой год. Фатаграфия сорок седьмова года.

В(1): Она у сестры?

О: Да

В: Здорово. Спасибо вам большое.

О(1): чаек попейте.

В: Спасибо

В: Слышали?

О: Слышала, но я не магу сказать ни чево об этом, но я слышала эта.

В: А как говорили, вот?

О: Разговорная речь или ?

В: Да ну вот еры, да или как вот вот как пр... как название?

О: По-моему больше на, как же ана сказала? «А вы», гаварит, «караимы не», не Геры, по-моему. По-моему «Е» большею и иеравы, ийеравы, по-моему.

В: Ага, ийеровы

О: Я гаварю: «Вы знаете эта у нас в Симферополе есть караимкае общество и у нас председатель профсаюза у нее муж караим». И гаварит «[нрзбрчв], а че вы не хатите вазабновить связи и то и другое?». А я гаварю: «Мне проста не когда. У меня такая проблема, что мне нада талька работать, работать, работать». Вот, а патом, вот кагда пашли вот эти там немецкое общество себе организовалась, греческое, я немножка начала подзадумываться, пачему бы не паднять немножка в памяти, не пошевелить. Да не почитать немножка пабольше о себе вот. Но кагда паехала, а он же старенький если ему уже восемьдесят, под восемьдесят лет щас. Нет не восемьдесят, семьдесят шесть вот. А он вроде бы организовывал эта общества. Ну нада заниматься, а щас с нашей пенсией далеко не поедешь лишний раз.

В(2): Скажите пожалуйста, а между собой вы говорили по-русски, да?

О: Да

В(2): А в семье родители тоже говорили по-русски?

О: Только по-русски. Разговорная речь у нас была ничем не отличалась ни как.

В: А, вот можно еще ваш паспорт сфотографировать? Вы говорили, что там написано караим.

О: Свидетельство о рождении.

В: Да, да.

О: Щас, свидетельство о рождении там...

О(2): [нрзбрчв] Чесно гаваря брат у меня тоже пытался. Кагда бабушка еще была жива, она иногда рассказывала што ис вот, с хутара. Што с хутара Ерши прибыли. Но я вот, тетя Люба гаварит што они в Лесновке жили, но папа у меня не в Лесновке радился.

Кагда она вспоминала, бабушка, редка канешна, но я слышала што Толька за трапезай она обращалась к Богу. И кагда у меня отец умер, ну он скарапастижна умер, она всегда гаварила: «У меня сын радился так как радился Иисус». Я не знаю [нрзбрчв]. Я не знаю чесна гаваря.

В: Да вообще нет.

О: Ну, а может быть эта влияние наших саседей, патаму што там книги разные. я гаварю што бабушка была адинокай, дедушка рана умер и осталась адна. Она отказалась здесь жить, вот. Она гаварила шот: «У меня сын тоже радился». Они очень бедно жили и радила она ево получается дома. А у них как раньше была, сначала была хазяйство, патом [нрзбрчв]. Ну у них село по-моему Петровка называлась, тоже в Сакском районе, а патом они видна переехали в Лесновку.

В: А что она имела в виду, как Иисус родился?

О: Ну он же радился как бы в хлеву

В: А, понятно

О: И отец [нрзбрчв] Спасибо Бог, спасибо. Но она Бог гаварила про Иисуса. Я ни кагда не слышала, а вот уже кагда отец умер. Но может быть эта старчиское. [нрзбрчв]

Вышивала, она была у меня харошая рукадельница, бабушка. И ее мать [нрзбрчв] рукадельница, причем они этаму учились друг у друга. И вот я знаю што [нрзбрчв] бабушка мая и палучается прабабушка...

В: [нрзбрчв] вы узнали в какой-то момент вот маленькая еще, еще была и вдруг вы узнаете, что не такая как все там, нет?

О(1): Нет, нет

В: Наоборот

О: Вы знаете што мы были пианеры. На столька в нас в школе внушили што мы атеисты, Бога нет. Я в эта свята верила и не панимала пачему бабушка все время спорит [нрзбрчв]. Единственае меня заинтересавала пачему у них такие странные имена

В: У кого?

О(1): Ну вот у бабушки [нрзбрчв] Дедушка Михаил Поресович. Мать, сестра ево радная Толька она умерла, на памятнике я прочитала бабушка Римма, она Ривека Моисеевна, Ривека. Да? Дедушка Давыд – Давид.

О: Давид

О(1): А очество? Но он глухой. Может быть он тоже очень интереса рассказал, но он глухават и ...

О: Кричать нада

О: Вабще можна была б с ним погаварить, вот он больше расскажет. Он старый, ему девяноста один год

В: Он в Саках?

О(1): Да. Возле меня. В маем дваре

В: На обратном пути, все таки Лесновку хотим...

О(1): До него сложна достучатся, эта первая проблема, если он дома...

О: Вот пятера детей. У этих детей сваи семьи, но все жили в одной семье. Вот большой двор и все жили вместе, не разделялись. А вот кагда пашло раскулачивание уже. Какой? Тридцать третий год или... В тридцать третьем по-моему начали раскулачивать, тагда кто пабыстрее, вот отец сообразил пабыстрее, дед. Дед сразу, рас, ага Еремей, ты пастарше тебе вот сюда. Тебе вот там три лошади, там два верблюда. А этим па одному дал. Каму сколько. Ну в общем, разделили все эта стада. Патаму шта верблюдав была двадцать, двадцать два. Двадцать два верблюда. Каму верблюда, каму лошадей отдали, каму барашек отдали. И сразу рассоеденили. А уже вот сюда приехали. Уже сколько они приехали? В общем мой атец и ево сестра с братом. В доме, у нас дом был на четыре хазяина и вот с одной стараны адни, эта самае, ну жили. Сразу дом на два хазяина был мы приехали, вот кагда радители приехали. Ну и в начале еще бабушка и атец. Ну да, бабушка, значит бобушкин сын и дочка. Все эта в одном доме. А патом бабушка взяла и дочке на пол метра больше дала кухню, этим меньше. Взяла переделила вот так этат самый дом. Атцу отдельна, а сестре отдельна. И вот тагда и так и тагда была. Разделились семьи. Кто успел разделить, тех не раскулачили, а хто не упел вот как Сапунковы, тех сразу забрали выселки. Там как их назывались, на Салавки. [нрзбрчв] выкапали ямку и [нрзбрчв] тетя Рая Вишнякова со своей мать, отец, Рая Вишнякова, Лешка
О(1):

О: Да. И Мишки еще не была, Мишки не была тагда еще. Вот эта их вывезли в эти Салавки и бросили. Так отец с матерью ночью взяли лошадей, бричку подъехали туда за два километра туда, по-моему. Или за палтара, Рая рассказывала и палском, гаварит, вытаскивали всю семью на подводу. И от они после таво приехали сюда, в Крым.

В(1): Это очень часто встречалось – дом на четыре хазяина?

О: Да. У нас раньше эти, американцы строили. У нас дама больше такие – на четыре хазяина. Вот будете сечас в Лесновке...

О(1): Барачнава типа

О: Да. Барачнава типа

В: Американцы? [нрзбрчв]

О: Ну я не магу мальчики рассказать многа о них патаму-шта вроде бы они здесь были после...

О(1): Вайны

О: Да. Какой вайны? До вайны.

О(1): А

О: Тридцать третий год...

22.08.2004 г.

Запись: Львов А., Варшавер Евг., Ермолаев М.

В: - Львов А.

О. – Шевченко Людмила Ереемеевна (Ершова)

О(1): - Наташа

О: Посмотрите вот эти вот трущебы

О(1): Да

О: И вот эта был

О(1): с разнай стараны

О: дом большой был, проста как казармы делались, а патом уже пастепенна жильцы перегараживались на...

О(1): [нрзбрчв] абасаблялись.

О: Што мы гаварим. Да. На два хазяина сделали. Вот кагда наши приехали дедушка с бабушкой со свайми детьми, вот эта дали вот эти пол дома, пол дома. Но они пажили вместе, а патом уже аниц женился. Атец женился, ну што, ну давай уже отсаеденили ему кусочек. Вот кусочек отсаеденили, а бабушка же у нас была хутро-мудрая, ну дочечки ж побольше. И взяла стенку ни вот так вот сделала, а вот так вот.

В(1): А строили вот такие длинные дома с расчетом на то что...

О: Вот эти переселенцы будут ехать.

В(1): и они будут вести хозяйство

О: Работать, да, вести хазяйство там, да. Но так не палучилась, как они видна хатели

В(1): А вы не помните, какие американцы, как они может быть назывались, организация?

В: А вы не помните, только американцы приезжали или еще кто-то?

О: Нет. Строили эти дама, я помню вот разговор все время был, американцы. Пастроили вот эти вот дама бальшие и все. Они пастроили и уехали, а как организовывалось дальше хазяйство я не...

В(1): А дама как-нибудь отличались от того что...

О: Ани все адинакавые

О(1): Вся улица в адинакавых дамах

О: Вся улица в адинакавых дамах. По адной старане они на четыре хазяина, а туда немножка паменьше, там па-моему на два они были.

О(1): на три. На три, на два.

О: Но первые три – раз, два, три дома была на четыре еще, а туда уже начали строится хто вот сами приехали, успели там сляпать че-нибудь. Или на два хазяина. Но от где Мура жила, ну бабушка, там уже на два у них. Но тоже была

О(1): на три хазяина

О: Натаментка(?) раньше эта был адин дом

О(1): а

О: адин вот, адин вход и все. А патом...

В: А скажите пожалуйста, вот Голосовы еще такая фамилия вот, знаете здесь? Голосовы, Голосовы.

О: Нет

В: Нет?

О: Нет

В: Вот я на Волге разговаривал с женщиной, которая приехала отсюда вот из Лесновки. Как раз у нее девичья фамилия Голосова, вот

О: Колосова в гораде была

В: Голосава

О: «К», Колосова была, в гораде, но в Лесновке не была.

В: А, не было. А Теляковы?

О: Вишняковы

О(1): Вишняковы

В: Вишняковы

О(1): Вишняковы нет....

О: У них атдельнае, тоже целае семейство на Волге

О(1): Но они жили, Федор(?) Иванович, он сказал што он из этава, из Данецка. Из Данецка, Данецкая область.

В: То есть они не караимы, да?

О: Они навернае сколько прожили? Лет сорок. Нет, не сорок, немножка меньше. Лет тридцать пять и он даже не знал што она караимка, скрывала. И старались при нем ни кагда ни о чем не разговаривать

О(1): [нрзбрчв]

О: Они старались ну вот, ну [нрзбрчв], а патом он уже гаварит: «А пачему вы не хатите нас со сваей бальной семьей пазнакомить? А мне нравятся вот эти

родственники ваши. А мне нравятся вот эти ваши родственники. А мне нравится кагда вы все вместе сабираетесь». Он старался все время к нам вклинится, вклинится в наш круг.

В: И, что не брали?

О: Нет, пачему. Ево брали, да. Он патом у нас по севодняшний день завадилай астался. Уже шесят лет, а...

В: Всех собирает, да?

О: нет не сабирает, но на таржества

О(1): По мере возможности

О: По мере возможность, да, мы сабирались. Сечас в основном сабираемся кагда хто-та умирает

О(1): Да

О: Эта аснвное. На похаранах канешна все сабираются

В: А как вот собираются все на похороны и там как-то за стол садятся, да, потом?

О(1): Традиции уже не придерживаются

О: Традиций наших уже не придерживабтся

О(1): единственное, кагда бабушка умирала она сразу сказала: «Мне пажалуста, вещи я себе приготовила. По мне пажалуста без музыки. Я [нрзбрчв]. Так вабщета ее и харанили

О: У нас атца харанили без музыки.

В: [нрзбрчв]

О: Я не помню

В: А готовили что-то особое когда садятся за стол вот на поминки, да?

О: Щас васнвное што русские делают, то и все делают

В: НУ, а што обычно?

О: У нас была дасашняя лапша абязательна.

О(1): А у меня бабушка любила вместа хлеба лепешки всегда почему, но лепешки всегда вместа хлеба лепешки. Я не знаю пачему, но она всегда лепешки вместа хлеба

О: Раньше мы хлеб сами, мать пекла. Лапшу сама катала. И всегда абязательна вот и на поминках старались дамашнюю лапшу сделать. Эта абязательна. Таких ш застольев у нас не была, а вот лапша абязательна была, лапша, што-та на второе. А как щас и салаты и калбаса и рыба, такова ни кагда не была.

В: А хлеб пекли вот когда сами, его в какой день пекли? Это вот каждый день или...

О: В пятницу?

В: В пятницу пекли, да?

О: Да. На субботу што бы были эта самая и мать инагда лепешки пекла, но не помню кагда и не помню для чево, но пекла. А вот мацу сама пекла и ана еще была не саленная, более пресная, малачко. Патаму-што каровка свая была.

В: А свечки зажигаала когда-нибудь мама?

О: Зажигала, но по моладости туда, а патом

В: А когда? В пятницу или на праздники, как, не помните?

О: Раньше бабушка была. У бабушки свечка гарела в основном на выходные.

Вот толька не помню или с пятницы на субботу или в субботу. У бабушки была.

Вот у мамы уже, у нас по-моему и не было, а может и было. Не знаю.

Мария Еремеевна Ершова

1937 года рождения

О: - **Мария Еремеевна Ершова**

В: Вы знаете про нас, да?

О: Люба то мне позванила. Вот фатаграфия, где папа, мама.

В: А это где?

О: [нрзбрчв] Тамара придет, скажешь што бы не захадила.

В: Та самая, знаменитая фотография – караимское общество

О: А?

В: Можно пере фотографировать?

О: Можна коношна

В(1): Можно сделать это на улице, потому что ...

О: На улице? Пажалуста. Щас мы выйдем на улицу

В: [нрзбрчв] поговорим потом или Женя на улице может быть. Значит караимское общество.

О: Калхоз Сталина, сорок седьмова года.

В: А в середине это кто?

О: Эта самый, вот этат, ну как бы сказать? Как он называется? Караимское общество начальник этат? Караимское общество была.

В: Гахан? Гахам, как вот?

О: Вот я забыла как эта самае

В: Газан?

О: А как же ево?

В: А как его зовут, не помните?

О: Эта по-моему Галя Пузакова помнит. А я чета не, как же ево звали? Знаете чета я забыла. Вот эта главнае, вот этаж все наши, эта общество

В: А может вы расскажете кто здесь?

О: Из всех вот аставшихся вот астался вот этат вот Пузаков. Эта в Израиле щас.

Вот этат, эта самае, астался, в Саках щас жиет, брат мой двоерадный Алеша.

Вот эта я.

В: А как фамилия вот...

О: Эта Сапунков

В: Сапунков, ага

О: Сапунков

В: А эта Пузаков, а эта

О: Эта Пузаков Исай

В: Исай?

О: Да. Эта он в Израиле щас. Все астальные умерли. Вот эта все эта, папа мой умер. Вот эта здесь мама вот эта с сестрой каторая вы разгаваривали, вот эта беременная ею. Вот эта тоже все умерли. Вот эта только асталась жива Вера Сапункова. Вот и эта, и Рая Пузакова эта

О(1): Маша

О: Нет Маша Пузакова в Израиле, а эта Пузакова, эта, как ее, Валя. Валя Пузакова

О(1): Я не знаю кто эта

О: Ну как не знаеш? Валя Пузакова, Рая Пузакова у них тоже такая фатаграфия есть.

В: А может вы перечислите, вы же всех здесь, наверное знаете, да?

О: Ани все умерли

В: Все равно вот было бы интересно

О: Интересно была б?

В: Да, да

О: Вот эта – мама с папай. Вот здесь я даже [нрзбрчв] Эта [нрзбрчв] район Валгаградская облась. Все подтверждения о том што эта видите как

В: [нрзбрчв] район Волгоградской области. А село какое?

О: А вот хутар

В: Хутор

О: Матросов, хутар Ершев. Ну там я харашо вижу хутар Ершев и хутар Матросо

В: И написано – караимы, да?

О: Ну

О(1): Да, караимы

О: Караимы

В: Караимы

О: А вот потверждение лежит вот эта все караимское общество. Еще тагда немцы, кагда хатели расстрелять в Луначарке, всех вот этих сагнали нас, патом эта самае. А он ездил Евпаторию, где стаял немецкий штаб и он и начал даказал што, хто такие караимы. И тагда они атпустили всех.

В: А, вот в Луначарке это было, да?

О: Эта в Луначарке, кагда сагнали всех, хатели расстреливать караимав

В: А Луначарка это не далеко здесь?

О: Эта туда вот Шелкавичнае

В: Эта Луначарка?

О: Да. То Луначарка

В: Понятно

О: И эта всех атпустили. И эта все астались.

В: А вы слышали, что в Луначарке все таки кого-то расстреляли, да? Там...

О: Па-моему караимав не расстреляли. Эта евреев расстреливали всех. Даже у нас здесь вот эта самае, всех евреев, я даже уча... эта, видела как евреев расстреливали, а караимав ни аднаво не тронули. У нас даже, эта, немцы стояли. Вот после таво как он побывал в Евпатории у немцев.

В: Понятно

В(1): А караимы они не евреи?

О: У?

В(1): Караимы не евреи?

О: Не, не, не. Караимы есть караимы.

В(1): Как он доказывал, что он говорил и как он смог доказать?

О: Ну даказал што караимское общество эта даже, как он гаварил, шо эта безвинный народ. Што он, эта самае, ни каких атнашений не имеет ни к евреем ни каким. Самые добрые, самые справедливые, как рассказывал там, я ш [нрзбрчв]

В: А как вас зовут?

О: Мария Еремеевна

В: Мария Еремеевна, а Ершова ваша фамилия?

О: Ершова, да. Паспарт мой, свидетелство о раждении.

В: А вы какого года рождения?

О: тридцать сдьмова

В: Тридцать сдьмова. Довоенную жизнь конечно не помните, да?

О: Доваенную, нет. Я помню вайну. Как у нас немцы стояли. Я знаю што в тридцать пятам гаду с Валгаградской области приехал папа сюда. Здесь он стал бригадираом работать. Вазглавил вот эта калхоз Сталина. Вот эта еврейскае село все эта самае, он стал бригадиром работать, но как председатель, но бригадиром он работал.

В: Еще до войны он был бригадиром, да?

О: С тридцать пятава года. Как тока сюда всех переселили из Валгаградской области сюда. Патаму-што здесь же немцы, не, американцы строили евреям вот эта село, пастороили. А патом, кагда расстреляли, эта еще до таво как расстреляли, начали заселять вот с Валгаградской области, эта, караимов сюда. Здесь многа семей караимав. Вот эта все караимская. Переселились все они жили в этой цнотке(?)

В: А евреев было больше или караимов было больше?

О: Ну американцы строили евреям село, а после уже где-та в тридцатам гаду, где-та, а в тридцать первам галлу начали заселять уже караимав с Валгаградской области. Стали как переселенцы сюда, а патом постепенно уже начали савсем с других областей вот. А эта уже ...

В: Но караимы сами переселялись, да вот? В смысле евреи принимали?

О: Да принимали, принимали.

В(1): А почему караимы переселялись?

О: Ну как вам сказать, почему они переселялись? А, их как бы вербавали. В Валгаградской области приехал представитель и там их, как бы несколько семей вербавали сюда. Патаму-што здесь нада была заселять Крым, как то вот, подробнасти не знаю. Ну вот што-та такое знаю, папа гаварил, я уже забыла. Шо я магу вам еще сказать, я мала што помню. Ну эта вот, работал здесь бригадирам, паднял село эта. Цветущее село такое было. Пастепенна шас развалилась все, все пропала.

В: А вот караимское общество там написано, это официально было такой?

О: Афициальна караимскае общество, да.

В: И собирались как-то молится собирались, да?

О: Все, все эта да, да.

В: А вы помните вот как...

О: Шо я там, шо мне там была. Они сабирались детей наши не брали с собой.

В: Не брали?

О: Канешна

В: Но интересно ж детям было наверно, бегали наверно?

О: Ну канешна

В: Смотрели?

О: Ну, ну, ну

В: Не помните, что-нибудь? Пели там, читали или что, разговаривали?

О: Читали малитвы, вот у меня даже есть малитвенник, есть.

В: Молитвенник, да?

О: Да, где-та есть, даже не знаю сечас. Малитвенник есть. Еще [нрзбрчв] мамы астался. Даже половина, сгорел

В: А какой молитвенник караимский, еврейский?

О: Караимский

В: А там еврейскими буквами написано што-нибудь?

О: Подаждите, где же эта у меня. Вам нада пасматреть?

В: Если можно, да.

О: Эта мая бабушка, эта ее радной брат, эта прабабушка...

О: Вот пажалуста, держите

О: Эта была где-та в тридцатам гаду. Ничиво не помню. Американцы, немцы, евреям строили это село

В(1): Какой год там был, не помните? Просто там нет первых страниц.

В: Да это молитвенник Фирковича

О: Да?

В: Да. Изданный в тыща восемьсот девяносто первом. Сейчас посмотрю.

О: Ну посмотрите. Я знаю што мама всегда читала малитвы

В: Да, это похоже

О: Переел, на сходе, эта кагда сабиралися, малитвы читали ани.

В: Так вот, двести сорок девятая страница – молитва вечерняя в день всепрощения. Это по-моему девятьсот первого года издание. Последняя страница – двести пятьдесят вторая – молитва вечерняя на день всепрощения, начало.

О: Начало все вырванто, порвато

В: Начало вырвано. Начинается вот с третьей страницы, с предисловия Фирковича. И вот мама читала все эта, да?

О: Да

О: Каво?

В: Книжку сфотографировать?

О: Пожалуста, подалуста. И фатаграфию фатаграфируйте,и эта фатаграфируйте. Эта уже как память от мамы с папай.

В: А вот Библия была у родителей, у бабушки?

О: Не Библия, вот эта тока малитвенники, малитвенники.

В: Только это читали, да?

О: Вот эта они читали

В: А пели што-нибудь, вот там псалмы, там не помните?

О: Я знаю што они читали

В: Только читали?

О: Да. А патом эта самае, ну эта мама так рассказывала, мене ж еще, уже не была в тридцать седьмом году Толька радилася, а шо там уже была. А эта до этава уже все была. Мне гаварили што ани што-та там делали. А што им... я даже не имею представления

В: Ну вот такое было протяжное пение, такое очень красивое, да?

О: Да, да

В: Псалмы распевали вот [нрзбрчв] кто-то , да?

О: Шо та была, шо та, ну смутна [нрзбрчв] скока эта лет прашло уже.

В: Ну может мама напевала там што-то? А каким-нибудь молитвам мама учила?

О: Вот она только читала вот этат малитвеник

В: А вас учила?

О: А?

В: Вам говорила, что вот нужно какую-нибудь молитву читать?

О: Если ана сама читала нам все малитвы. Вот самной случился несчастный случай, када мне парализавала все, ана все время читала эти малитвы. Малитвы читала бесканца. Ана читала, а шоб там петь или што я не знаю. Вот читала ана эти малитвы и все.

В: А што случилось?

О: А? Ну эта мне, эта исполниласть при года. Шой-та меня в садик отдали, а я не захатела там быть и убежала оттуда. А на эта самае, перепугала я [нрзбрчв] воспитательница и меня парализавала ноги, отняло. Вот эту часть все отняло.

Ну патом постепенно ноги выличили. Вот руку адну, как рас вайна началась и недалечили и так она и асталась.

В: Эта мама потом рассказывала, да, что читала молитвы?

О: Да, да

В: А вот не клали молитвенник под голову? Вот когда дети болеют говорят надо.

О: Даже не скажу вас. Не знаю, не помню ничево этава. Я знаю шо сохраняла вот эта вот, он у меня все время в голове лежит.

В: В голове лежит просто потому, что просто там хранится или как-то вот специально кладете под голову?

О: Ни знаю. Как мама сказала [нрзбрчв] получается

В: Так мама сказала?

О: Я ево храню баюся шо б ни кто у меня не украл ево. Так я под этим... Шо вы там увидели?

В: Да, да

О: Шо эта такое?

В: Эта вот предисловие составителя молитвенника этого. На какой странице?

О: [нрзбрчв] у меня

В(1): Двести двадцать девятой

В: Двести двадцать девятой. А у других, есть других молитвенника, да?

О: Ни чево, ни где больше не найдете. Толька я сохранила.

В: Правильно делаете, очень редкая такая книга. Берегите.

О: А притом, че эта самое, та уже старые скоро уже умрем, че ее беречь. Эта маладеж.

О(1): [нрзбрчв]

О: Эта маладежи нада.

В: Но если вдруг не нужна будет, вот в музей. Я думаю што [нрзбрчв]

О: Где? В Симферополе?

В: В Симферополе

О: Вы знаете, как та в Симферополе паказывали караимское общество и именно эту фатаграфию. Ани тоже паказывали. Шо есть еще такое караимское общество, есть такое эта самое и вот я как увидела телевизар, я думаю, нада ж еще где-та есть такое.

В: [нрзбрчв] вы по этой фотографии вот не скажите вот, вот кто здесь на этой фотографии. Ну вот просто можно там слева на право перечислять. Вот эта Пузаков...

О: Сапунковы, Пузаковы, вот все Сапунковы

В: Давайте подряд пойдём.

О: Эта Пузаковы тока нез ...

В: То же Пузаковы?

О: Пузаковы, вот эта вот Сапунковы

В: Это второй ряд, первый, да?

О: Да
В: Сапунков
О: Эта Пузаков Маисей
В: Верхний ряд, третий
О: Вот папа – Ершов. Вот Сапунков. Вот Сапунков, вот эта атец. А вот сын Сапунковы. Эта дядя Гоша(?). эта, эта самое Сапунков Маисей. Эта Любы Сапунковой атец. И все эти, а эти Пузаковы.
О(1): Эта дедушка Илья, каторый вот [нрзбрчв]
О: Да, да, да
О(1): Бабушки радной брат
В: А женщины с этой стороны?
О: А эта женщины ихние, жены
О(1): Да
О: Тоже эта Пузакова, Пузакова, Пузакова, Ершова. Вот эта вот, ну все Пузаковы, Ершовы и все. И Шашляникавы. Все
В: И Шишлянниковы, да?
О: Да
В: А Голосовы были здесь, вот не знаете?
О: Голосовы нет
В: Голосовы
О: Нет
В: Нет? Не знаете, да?
О: Нету, здесь таких не была
В: А я смотрю, все в кепках стоят, да, вот один без
О: Кто, кто? Как эта так, на нем шапка
В: А, это просто не вижу
О: Шапка не нем
В: Ага. То есть все обязательно в шапках, да?
О: Да, да, да. Эта я только што-та без головнова убора
В: Ну так маленькая еще
О(1): Маладеж без галавы [нрзбрчв]
В: Ага. А еще тут другие были караимы там или субботники в других соседних колхозах, селах?
О: Шелковичное было. Да, Шелковичное была, туда дальше эта самае.
В: Эта Луначарка, да?
О: Да, да, да
В: А кто там, там какие были фамилии?
О: Вам ни че не скажу бо я не знаю. Я хоть и работала, ездила туда, но ни какова значения не придавала.
В: А вот Шабановы не слышали?
О: Да, вот здесь Шабановы
В: А здесь есть Шабановы?

О: Вот эта па-моему Шабанов. Вот эта Шабанов

В: Второй ряд, второй слева.

О: Да, да, да. И здесь вот эта из ... Шабановых. Эта Ершовы. Вот эта па-моему Шабановы.

В: А вот в Митяево жили Шабановы, да? Мы слышали.

О(1): [нрзбрчв] Шелкавичное, Митяево тут рядам, радам

О: Шелковичное, Митяева эта туда дальше, ани рядам села вот там жили еще.

В: А щас не осталось Шабановых?

О: Вот вам ниче не скажу, даже не знаю. Вот эта ж асталась толька мы маладеж вот эта вот. А как я щитаю, маладеж тоже старые, по... а эти все умерли.

В: Ну вот, а про праздники может быть вы помните, какие приздники праздновались?

О: Мы единственное праздновали эта субботу. Вот в субботу ничево не делали. Суббота для нас была законный день. И все, больше ниче не знаю. Какие там еще празники были, не знаю.

В: На Пасху?

О: А, а подожите, а вот эта вот Паску, мацу пекли. Мама чистую мацу пекла. На чи... бес соли, бес этой самай, ну... Вот эта мацу помню. На какие-та празника, мацу вот эта ж вот эта мы ели мацу. Мама пекла.

В(1): А мацу только на Паску пекли?

О: На Паску, да

В: А шалашаи делали? Вот был такой празник, когда шалашаи делали?

О: Па-моему такова не была. Может где-та и была, в Луначарке, туда радители ездили, а здесь ни че не была. Здесь адни евреи жили.

В: А вот у евреев такие же были праздники или другие?

О: Вы знаете даже ани па-моему и ни каких празникав и не праздновали, евреи. Проста жили и все.

В: А вот кучки вы слышали такое?

О: Какие? Но кучки, а кучки ани и есть кучки

В: Это празник или что, что эта?

О(1): Эта у нас такой период времени года, в феврале

В: Называется кучки?

О(1): Да

О: Да

О(1): Еврейские кучки называется

О: Еврейские кучки гаварят

О(1): Жесткий ветер

О: Как ветер начинается – еврейские кучки. Меня до таво бесит аж не возможна

О(1): За две недели перед Паскай

В: Бесит, да? Почему?

О: Ну пачему вот эти бесканца издевабтся так шо гаварят: «Еврейские кучки, еврейские кучки». Как ток када ветер начитається, еврейские кучки.

В: А почему так говорят?

О: Ну не знаю пачему эта

В(1): Скажите пожалуйста, а вот тут видима что-то было наклеено, вы не знаете что?

О: Ну эта же со временем все оно вот

В(1): Ну вот в ваше время вы помните что, чево-то было или...

О: Было што-та, но оно пастепенно слезла. Эта ж склька лет прашло?

В(1): Ну да. Не помните?

О: Ни помню. Эта и то сох... Эта Толька у меня сохранилася. А што там, как ано, мал че помню

В: А вот были какие-то дни, когда на кладбище надо было ходить вот?

О: А, поминальный

В: Да

О: Мы всегда ходим

В: А в какие дни?

О: У?

В: А какие дни поминальные?

О: Для всех адинакава, па-моему, паминальные дни ходим [нрзбрчв]. Здесь у нас еврейское кладбище. Здесь и караимы и евреи вместе

В(1): Покажете, где оно?

О: У

В(1): Покажете где это кладбище? Где кладбище вы знаете?

О: Знаю, че ж не знаю

[нрзбрчв]

В: Да. Мы б хотели потом посмотреть

О: Можна съездить

В: А в какие дни ходили вот на кладбище?

О: ну, как де поминальный так и ходим. Ни асобых дней мы не эта самае. Я знаю шо папа там главный был вот на кладбище. Он сматрел за этим, парядки навадил

ШО ты хател [нрзбрчв]

О(2): Я спрашиваю кофе или чай

О: Можете кофе, там есть. Разберитесь.

В(1): Скажите пожалуйста, а вы не помните что такое Пурим? [нрзбрчв] молитвы какие-то?

О: Ни знаю я ни че. Может вы знаете?

В: Ну

О: Пурим, малитва, Пурим. Мали... не знаю. Читала мама мне все малитвы, а шо к чему эти мвлитвы даже не знаю.

В: так, а поминальные дни вот вы говорите общие с кем?

О: Общие как и русские, и у евреев, и у нас все адинакавые были.

В: А что на кладбище делают, когда хоронят в поминальные дни?

О: Мы ходим, эта самое, как, паложим цветы, канфеты, все. Кто знает малитву прачитаем все, посидим как та, ну без выпивки, без всево вот эта вот так посидим. Кто знает малитву все пастаяли и ушли.

В(1): А их читали по книги или наизусть, молитвы?

О: Брали с собой малитвеник, читали

В: На кладбище брали молитвенник, да?

О: Да

В: А вот не говорили, что после кладбища нужно помыться обязательно, да?

О: Ну как, прихадили, руки помоем, ноги, лицо умываемся обязательно.

В: А што бы в баню сходить там, помыться?

О: Да какая ж там у нас баня? Господи, баня там. Дома бани у каждого сваи, печки.

Эта вы проста, ездите сабираете данные, да?

В: Да, да, да [нрзбрчв]

О: Вазрадить ой, эта самое шоб ...эта, да?

В: Ну что бы знать, по крайней мере, как было раньше.

О: Мало што мать рассказывала нам. Если б знать все, вот единственное шо я сохранила вот после нее

В: А вот похороны как-то отличаются?

О: Пожалуста, пожалуста

В: Похороны как-то отличаются вот хоронят так же как русские или..?

О: па-моему так же сама, так же сама. Не знаю шоб как та иначе была, не представляю.

В: А руки как складывают?

О: Вот так, сюда

В: Вот так, на груди, да?

О: Да, да. Связывают, а патом...

В: А в гробу не делают дырок вот в днище, нет?

О: Нет [нрзбрчв]

В: Ни чего не делают обычно?

О: Мама умирала, папа умирал

В: А кагда еще поминки устраивают? Вот после похорон, а еще ?

О: Как всегда на девять дней, сорок дней и год. Вот так больше, как у всех одинакава. Как и у русских, и евреи, так и наши так и

В: Евреи так делают, да?

О: И евреи тоже самое. Вот падруга у меня, у нее муж еврей и , эта самое, так же. Ходим на на кладбище, так же паминаем, так же все, так же самое.

В: А не семь дней у евреев вот, нет? Там девятый тоже, не седьмой?

О: Знаю шо атца Бориса так же и девять дней, и делали сорок, и год делали. Евреи тоже, тоже самое.

Абрусели мы все.

В(1): Скажите, а как в свидетельстве о браке [нрзбрчв] надпись – караим, то есть люди туда приходили и говорили што они караимы?

О: нет. У них свидетельства о рождении было у каждава.

В(1): Ага, а там как оно получалось што...

О: Вот как у меня, вот свидетельства а раждени. Вот на аснавании этава вписано свидетельство. Толька здесь не написана што я караимка. Здесь написана – атец Ершов Еремей Ильич [нрзбрчв] Ершова Екатерина Давыдавна. Толька я ж не знаю даже татарская па-моему или че оно вот эта вот.

В: А вот не рассказывали родители вот кто такие караимы, почему вот караимы?

О: Ни че не рассказывали, нет. Ани жили ж в Валгаграде, там же там же у них што-та была, а што к чему ани даже мне никагда, и не спрашивали.

В: А вы не пытались спрашивать?

О: Даже и...

В: Когда маленькая была, интересно почему

О: Ой, кагда мы были еще детьми. Патом повырастали уже не да этава была. Нужда, работа и эта вот все, как-та и не интересавались.

В: А не подскажите с кем еще здесь можно поговорить вот?

О: может щас вот Ирачка, даж забыла как ее, ана пайдет к тетке Сапунковой, эта Вера. Ана очень хараше знает. Ана вот, вот эта ана старше намнога меня была. Ана вам все, все, все расскажет. Все подробна.

О(1): [нрзбрчв]

О: Вера, Вера Сапункова. Да. Вот к ней. Ана все, все, все знает

О(1): Да?

О: Да. А я, шо я знаю. Госпади, шо я тагда саплячка была.

В: А еще здесь из старожил, еще кто-нибудь?

О: Вот эта самая Пузакова и эта Вера, все. Больше ни каво. Больше ни каво.

О(1): А Раиса Ильинична.

О: А?

О(1): А Раиса

О: Ана же живет в Сахарном

О(1): Ну ана в курсе или нет? Ана по младше, да?

О: Пажалуста

В: [нрзбрчв] записать?

О: Девяноста два, ноль, десять.

В: Эта девять девяноста два, а девять [нрзбрчв]

О: Девять, двадцать, десять. Днем я инагда и не бываю дома, а вечером я всегда дома.

В(1): Как вы думаете [нрзбрчв]

В: Нет просто, нет, это все уже есть. Это есть просто.